

ВЫРАЗИТЬ СВОЕ ВРЕМЯ

В ТВОРЧЕСКОЙ
МАСТЕРСКОЙ

ТАК СЛУЧИЛОСЬ, что в один день я звонил разным людям из разных учреждений, чтобы найти интересующего меня человека и договориться с ним о встрече. На «Мосфильме» мне сказали, что он сейчас на съемках во Владимире. В театре «Современник» ответили: «Сегодня у него спектакль». На радио утверждали, что именно сегодня он записывает здесь очередную запись, а в Студии молодого актера все были уверены, что их руководитель и наставник придет к ним вечером. Человек этот — народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР Олег Табаков — актер театра, кино, радио и телевидения, режиссер, педагог, общественный деятель.

Всегда интересно знать начало биографии человека, имя которого широко известно.

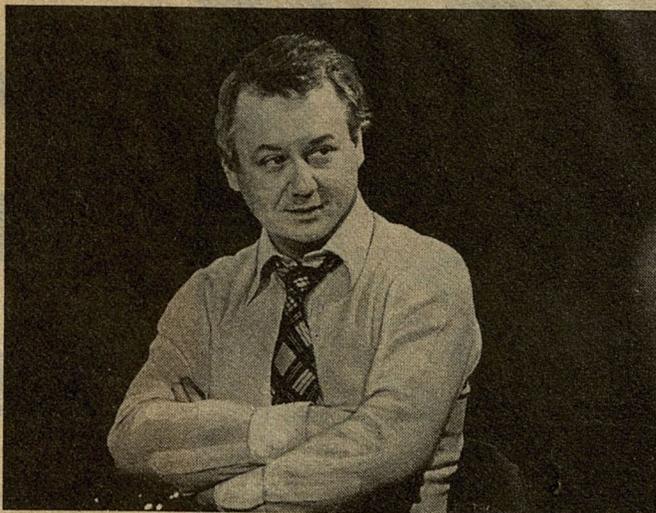
— Это первый вопрос? — уточняет Олег Павлович. — Если так, то я родом из Саратова, актеров в семье не было. Учиться приехал в Москву и никогда не устану с радостью, с гордостью повторять, что профессиональному мастерству учился у талантливого актера и педагога Василия Осиповича Топоркова.

Самое памятное событие в начале творческой биографии — встреча с пьесой Виктора Розова «В поисках радости», а через некоторое время — с фильмом по этой пьесе «Шумный день», поставленным Анатолием Эфросом и Георгием Натансоном. Мысли, тревоги, которые высказал драматург почти тридцать лет назад, ни в какой мере не устарели сегодня. Недавно я был свидетелем, как горячо обсуждали фильм «Шумный день» современные молодые люди, и еще раз удивился, насколько точно удалось драматургу предвосхитить появление проблемы «вещизма», которой тогда по существу и не было.

— Одна из первых ваших ролей в кино — роль Олега Савина в «Шумном дне» — сразу принесла вам большую известность и популярность. И вот уже четверть века вы снимаетесь в кино. Что вы могли бы сказать о своей кинематографической деятельности?

— Люблю эту работу. 50 моих ролей в кино — это немало. Какую-то одну роль выделить не могу, каждый персонаж по-своему оригинален и неповторим. Но из режиссеров, с которыми довелось работать, я бы выделил Никиту Михалкова. Работать с ним легко и увлекательно. На съемочной площадке каждый делает свое дело. Четко, без лишнего слов, без суеты.

Последний фильм Михалкова «Несколько дней из жизни И. И. Обломова» вызвал горячие споры. Мы увидели известного героя классики под новым углом зрения, и это наше отношение к нему разделили многие соотечественники и зарубежные зри-

тели. Ну, а спорить с нами каждый вправе, потому что разными дорогами идут люди к постижению произведения искусства, в зависимости от того, каков их жизненный опыт, степень образованности, принципы и прочее и прочее.

— Мы знаем немало современных актеров, которые решили попытаться счастья в режиссуре. Чаще уходят в кинорежиссуру, реже становятся театральными режиссерами. Мне кажется, что некоторые актеры поторопились изменить свою судьбу таким образом. Что же касается перемен в вашей творческой жизни, то сейчас о Табакове — театральном режиссере, руководителе молодежного театра-студии говорят, пожалуй, больше, нежели о Табакове-актере.

— Наверное, это естественно. Потому что театр-студия, которой я руковожу, — это сейчас главное дело моей жизни.

— А как родилась идея создать театр-студию?

— Закономерно стремление, когда осваиваешь свое ремесло — передать его другим. Но дело не только в профессиональном опыте, если речь идет о воспитании смены. Важен и педагогический опыт, и соответствие личной заинтересованности задачам времени.

Сегодня задача воспитания актерской смены — важнейшая в театральной жизни. Те, кто 10—20 лет назад принес с собой новое слово в искусство, сейчас образовали среднее поколение мастеров. Будут ли у них преемники, что и как они будут развивать из достигнутого, к каким успехам придут и придут ли? Эти вопросы не могут не задавать себе мастера, забываясь о тех, кто идет вслед за ними. Эти вопросы волнуют и меня. Решить их я попытался отчасти традиционным путем. Потому что издавна русский

театр обновлялся через студийное развитие. Это всемирно известная и высоко ценимая традиция. Я знаю о ней не из учебников истории русского и советского театра. Когда-то Олег Николаевич Ефремов показал нам, молодым актерам, что из студии театр сделать можно. Он получается «Современник» до сих пор один из ведущих театров столицы.

Итак, было: понимание задач времени, профессиональный и, смею надеяться, педагогический опыт. Плюс немного легкомыслия. И вот я решился «замахнуться» на большое дело.

— Но семь лет назад, когда вы задумали «большое дело», в Москве было, как и сейчас есть, несколько молодежных театральных коллективов. Чем должна была отличаться новая студия? Какую «сверхзадачу» вы ставили перед ней и перед собой?

— Вместе со своими товарищами А. Дрозниным, А. Леонтьевым, К. Райкиным, С. Сазонтьевым, В. Фокиным я задумал создать театр нового поколения. То есть такой театр, в котором бы молодое поколение словом высокого искусства выразило проблемы своего времени. Вспомните недавнюю историю. В 50-е годы новое поколение выразило в искусстве свое время в театре «Современник». В 60-е годы молодежь заявила о себе в театре на Таганке. Популярность этих коллективов и до сих пор велика. В годы же 70-е театр нового поколения, увы, не появился.

Чтобы реализовать свою «сверхзадачу», я был верен бескомпромиссной педагогике, строгому, взыскательному отбору. Потому что приток в труппу людей случайных не дает ей долголетия. С первых дней жизни нашего коллектива, когда к нам пришли московские стар-

шеклассники, и до последнего года их учебы в ГИТИСе постоянно шел отбор. ГИТИС уже позади, и многие наши актеры поступили в московские театры, есть у них уже заметные работы в кино. Например, Лариса Кузнецова и Игорь Нефедов сыграли молодых героев в фильме «Пять вечеров». Михалков тогда сказал о Кузнецовой, что это самая органичная актриса, которую он когда-либо встречал. Мне дорого это мнение мастера. Словами трудно объяснить, в чем он, талант актера, да и лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Поэтому приглашаю всех читателей «Учительской газеты» в студию на улицу Чаплыгина. Правда, уже сейчас заявок на наши спектакли столько, что удовлетворить все мы сможем лишь к лету будущего года. Ничего не поделаешь: у нас в зале могут быть сразу чуть больше ста человек.

— В отличие от вас, я как лицо не заинтересованное, а просто зритель могу сказать, что ваши спектакли «Две стрелы», «Страсти по Варваре», «Записки сумасшедшего» сделаны на высоком профессиональном уровне, каждый исполнитель роли точно на своем месте. Особенно поразила самобытность дарования Сергея Газарова, Ларисы Кузнецовой, Елены Майоровой. К такому моему субъективному мнению прошу вас и всех студийцев отнестись объективно. Но вот что меня еще поразило. Наблюдая за тем, как актеры общаются, работают, смеются, мне показалось, что все они друг для друга команда молодости, братства, духовного единения на все времена. Я ошибаюсь?

— Пожалуй, что нет. Сейчас это, действительно, коллектив друзей, единомышленников, коллег. Не берусь загадывать, но сдается мне, что это завтра не кончится.

С самого начала я стремился создать общность людей, согласных по духу. Мне хотелось, чтоб они не вопили каждый о своем таланте, не расталкивали друг друга локтями, а поняли раз и навсегда, что каждый без всех и все без каждого не смогут. Что «мое» и «наше» в их союзе сливаются.

Мое непереносимое требование к актерам студии — ежедневное самоусовершенствование. Читать, смотреть, слушать, спорить, работать. Потому что, если уж стремиться к созданию театра, способного выразить проблемы молодого поколения в высокой художественной форме, то это поколение должно представлять люди мыслящие, знающие, эмоционально развитые, способные действительно выразить дух своего времени. Я за

театр, в котором талант и личность актера выражаются максимально, в котором актер — царь и владыка сцены, как говорил Станиславский.

— А как вы работаете с актерами уже сложившимися, но малознакомыми? Вот, например, когда вы ставили гоголевского «Ревизора» в Англии. Расскажите, пожалуйста, как был принят спектакль англичанами? Чем для них актуальна пьеса русского писателя, написанная более века назад?

— Мейерхольд говорил, что режиссерам нужно платить много за их работу, но за постановку «Гамлета», «Горя от ума» и «Ревизора» нужно брать деньги с них самих. Потому что работа эта — наслаждение. Актеров подбирал не только по внешности и способностям, но и по произношению: Хлестаков должен был говорить, как истинный лондонец, другие персонажи — на том диалекте, наречии, которое распространено в той местности, где шел спектакль. Эта разница в диалекте помогла зрителям вернее понять идеи и образы спектакля, который везде был принят хорошо.

Ну, а что касается актуальности русской пьесы для современных англичан, то в наше время в Англии происходят события, почти в точности повторяющие ситуацию «Ревизора». Не так давно был случай, когда талантливый мистификатор выдал себя за некоего высокого гостя, якобы прибывшего из дружественного государства с визитом в Англию. Светская хроника лондонских газет в те дни неустанно информировала, какие тосты произносились в честь гостя, какие баснословно дорогие подарки подносились ему, и т. д. А когда англичане разобрались в своей оплошности, только в одной газете было сообщено об этом мелким шрифтом. Конец, как понимаете, тот же, что и в «Ревизоре», — немая сцена...

Через день после нашей беседы Олег Табаков уезжал в Хельсинки, куда его пригласили вести курс актерского мастерства. Через неделю он был опять в Москве. Утром — съемка на «Мосфильме», потом — театр, потом — студия... А свободное время?

— Время не может быть свободным, — говорил мне Олег Павлович. — Отдыхать не люблю. В отпуске, на море, например, на пятый день лезу на стенку. Люблю читать. Люблю жечь большие костры. Очень люблю машину, которая сберегает минимум два часа в сутки, очень нужные моей работе.

К. ГОРБАЧЕВ.

Фото А. ЗЕМЛЯНИЧЕНКО.